

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 323.212

© Т.Г. Цыбиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье определены основные методологические подходы к исследованию парадигмы «культурная политика», проблемы взаимодействия культуры и политики. Автор делает аналитический обзор по исследованиям в области моделей культурной политики, рассматривает проблему формирования культурной идентичности в контексте смены управленческой парадигмы в сфере современной российской культуры.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культурная деятельность, акторы культурной политики, инвестиции в культуру, культурная идентичность.

T.G. Tsybikov

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE CULTURAL POLICY IN THE MODERN PERIOD

The article deals with the principal methods and approaches to the study of the interaction between politics and culture, and cultural policy. The author gives an analytical summary of the research work in the field of various models of the cultural policy and regards the issue of the formation of the cultural identity within the context of the change of the administrative paradigm in the sphere of culture in the modern Russia.

Key words: culture, cultural policy, cultural activity, actors (participants) of the cultural policy, investments to the culture, cultural identity.

Последние годы отмечены значительным расширением диапазона точек зрения на такие понятия как «культура», «культурная политика». Исследования методологического характера, посвященные культурной политике, свидетельствуют о том, что в последние десятилетия в отечественной науке усилился поиск новых принципов культурной политики, наметился отход от господствовавших в советский период идеологических стереотипов [1].

Ввиду того, что понимание культурной политики колеблется от всеохватывающей трактовки как «регулирования жизни через поддержание установившихся социально-полезных процессов» до инструментальных интерпретаций в рамках конкретных моделей культурной политики, действующих в разных странах мира, представляется необходимым осуществить методологическую рефлексию и выделить основные подходы к пониманию содержания этого понятия. Актуальность этой задачи определяется несомненной значимостью теоретических обобщений для открытия новых концептуальных возможностей и формулирования новых стратегических целей в сфере культуры.

Вопросы взаимоотношения государства и культуры традиционно вызывают дискуссии, в

которых высказываются полярные точки зрения. Сложность исследования культурной политики обусловлена тем, что она, как и культура, является целостной, постоянно изменяющейся системой. Давая определения культурной политике, исследователи акцентируют внимание на:

- 1) стратегических целях культурного развития;
- 2) состоянии институтов;
- 3) административных, финансовых, человеческих и творческих ресурсах;
- 4) тактическом и оперативном управлении учреждениями культуры со стороны государственных институтов.

Л.Е. Востряков, проводя анализ исторических этапов становления культурной политики в разных странах, выявил, что различия в культурных стратегиях объясняются разным подходом к определению ее целей, механизмов реализации и результатов [2]. Действительно, любое государство, конструируя национальную концепцию культурной политики, учитывает специфику сложившейся политической, экономической, культурной, языковой ситуации. Культурная политика не представляет собой некую застывшую догму. За последние пятьдесят лет, по мнению исследователя, можно было наблюдать три

типа участия государства в культурной политике:

– харизматическую политику, смысл которой состоит в поддержке со стороны государства, прежде всего, организаций и отдельных персоналий, имеющих общенациональное значение и известных за пределами данного государства;

– политику доступности, основные усилия которой концентрируются на обеспечении равного доступа различных категорий населения к образцам и артефактам, признанным (в силу разных причин) классическими вершинами культурной и художественной деятельности;

– политику культурного самовыражения, в рамках которой ценной признается любая попытка культурной самоидентификации (местного или же профессионального сообщества, диаспоры, социальной группы или любого другого «меньшинства»). В этом случае классическая культурная иерархия исчезает, а главенствующее место эстетических категорий оказывается занятым ценностями культурной коммуникации и самовыражения.

Исходя из приведенной выше типологии, можно сделать вывод о том, что в практике европейских государств постепенно расширяется пространство влияния/претворения в действие культурной политики, соответственно расширяется круг ее акторов. Об этом свидетельствует и обзор основных направлений культурной политики в разных странах в диахроническом аспекте: «культура для всех» (50-60-е гг. XX в.) – доминирование идеи культурной демократии или равного доступа всех к культуре; «культура для каждого» (70-е гг. XX в.) – усиление местной идентичности и активизация культурной жизни на местном уровне; «децентрализация культуры» (80-е гг. XX в.) – партнерство центральной государственной власти и регионов; «инструментальная» культурная политика (90-е гг. XX в.) – культура, как средство/инструмент развития общества; «креативное управление» (в настоящее время) – управление через сетевые структуры, форумы, институты и административные системы, что подразумевает гибкость и открытость дальнейшим инновациям [3].

По результатам исследования целого ряда стран, доказано, что оживление культурной деятельности способствует социальному и экономическому развитию и процветанию, в том числе на региональном уровне. Осмысление ценности культуры с точки зрения того, что любые инвестиции в нее имеют социально-экономический эффект и идут на решение социальных проблем способствовало появлению

концепции культуры как инструмента развития общества. На стыке тысячелетий культурная политика продвинулась в центр стратегий развития, произошел своеобразный «поворот к культуре». Об этом, в частности, свидетельствуют итоговая декларация конференции Юнеско (Стокгольм, 1998), а также решение Мирового банка на встрече 1999 г. во Флоренции о необходимости развивающимся странам в программах на получение займов учитывать культурные факторы.

Что касается советской модели культурной политики, то она была обусловлена преобладавшей в философско-культурологических исследованиях деятельностной трактовкой культуры (Н.С. Злобин, М.С. Каган, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев). Сформировавшийся в советский период «народно-хозяйственный», «ресурсно-отраслевой» принцип рассмотрения вопросов культуры и культурной политики сохраняет свои позиции и в настоящее время.

Вместе с тем вполне очевидно, что новые реалии требуют адаптации сферы культуры не только к новому типу хозяйствования в условиях рыночных отношений и перераспределения полномочий, но и к социокультурному контексту эпохи.

Смена политической парадигмы, социально-экономические, культурные трансформации российского общества привели к формированию поликультуризма. Л.А. Маршак, опираясь на данные разносторонних исследований, выделяет в современном российском обществе 4 основных культурных слоя, выражающих духовные интересы различных социальных групп.

Первый слой – это так называемые традиционалисты (термин А.Гофмана), которые связаны генетически и организационно с теми культурными ценностями, что определяли сущность культуры советского периода. Этот слой увеличивается за счет части публики, ностальгирующей по прошлой культуре, и тех, кто разочаровался в ценностях общества потребления.

Второй слой – представители новых либеральных кругов, сторонники рыночных отношений. Именно эта группа населения относится к современному авангарду, к новым нетрадиционным формам в культуре, к отдельным видам массовой культуры и пытается распространять свои художественные вкусы за счет лидирующего положения в современной экономике.

Третий слой – консерваторы, стремящиеся сохранить лучшие образцы архаического как в политике, так и в духовной жизни. Имея много здравых идей, они несколько отстают от по-

требностей современного социокультурного процесса и не вписываются тем самым ни в господствующую глобализацию, ни в общий контекст мировой цивилизации.

Четвертый слой – носители религиозной культуры, роль которой в формировании поликультурного развития в России весьма значима. Религиозная культура, являясь неотъемлемой частью общей культуры человечества, в условиях поликонфессионального состояния российского общества, а также утраты духовных начал у населения оказывает весьма серьезное влияние на формирование культурной идентичности [4].

Поликультуризм в России, утверждает Л.А. Маршак, в силу переплетения культурных ценностей различных групп населения весьма неустойчив и подвижен, что препятствует формированию культурной идентичности. С ним в определенной мере солидарен С.Кортунов: Россия, как «слоенный пирог», погруженный в постмодернистскую эстетику, а ее идентичность к середине 90-х годов XX в. «оказалась не просто размытой, но пораженной эклектическим соединением несовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической». При этом российское общество оказалось полностью расколотым...» [5]. В этих условиях фактор культурной политики выступает важной частью идентификационного процесса, а также процессов адаптации к процессам глобального и регионального измерения.

В связи с этим еще более актуализируется проблема систематизации методологических подходов, проясняющих возможные варианты реализации культурной политики в современной России.

Первый методологический подход, обозначенный В.Е. Семенковым, рассматривает культурную политику как часть социальной политики государства. «Если социальная политика является практикой административного воздействия государства на социальную сферу или социальные отношения, – пишет он, – то и культурная политика понимается как практика административного воздействия на социальные отношения, затрагивающие положение сферы культуры в обществе» [6]. При таком подходе культура понимается как наследие/сокровище, которое надо беречь и приумножать. Это приводит к распределительному механизму управления культурой. Функция культурной политики определяется как благотворительность, ибо такая культурная политика исходит из дотационного понимания смысла операций с культурным ресурсом. Цель минимум такой культурной поли-

тики – простое воспроизводство ресурса принятого относить к сфере культуры, в то время как цель-максимум – накапливание этого ресурса, так же как накапливают сокровище. Негативным следствием такой политики может явиться девиация музеефикации культуры.

Второй подход трактует культурную политику как менеджмент культурной среды. «Идейным» основанием такого понимания является представление о том, что любой ресурс, в том числе и ресурс культуры, должен трансформироваться в тот или иной вид капитала: символического, культурного, социального. Соответственно, в культуру, представляющую ценность для всего общества, следует инвестировать средства. В условиях новой экономики освоение современного менеджмента в сфере культуры действительно становится насущной необходимостью. Умение заботиться о посетителях и удовлетворять их потребности, освоение PR-технологий, сотрудничество со СМИ, внедрение проектной деятельности, разработка успешных маркетинговых ходов, включенность в современные информационные сети – являются неотъемлемой частью деятельности учреждений культуры как генераторов социального капитала. Безусловно, абсолютизация этого подхода, как отмечают исследователи, может привести к коммерциализации культуры.

Субъектно-ориентированный и ситуативный подходы применительно к культурной политике современной России, предложенные Л.Е. Востряковым, выдвигают на первый план действующих субъектов культурной политики. Им выделены следующие институционально-организованные субъекты культурной политики:

- 1) государство и его институты;
- 2) органы управления культурой;
- 3) организации культуры и искусства;
- 4) творческие объединения и союзы создателей художественных ценностей;
- 5) общественные организации и объединения поддержки культуры [7].

Исследователь убежден, что для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни патерналистская, ни рыночная модели культурной политики не могут быть использованы как базовые для всей страны. Их следует позиционировать как имеющие право на существование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению и по темпам адаптации к рыночным условиям регионах. Предложенный им подход может быть трактован как интегративный, сочетающий как традиции патронирования сферы культуры со

стороны государства и сохранения социальных завоеваний, которые были достигнуты ранее, так и идеи развития партнерских отношений. Некоторую близость к этой позиции можно заметить в положениях, выдвигаемых Н.В. Ижиковой. Так она утверждает, что оптимальной моделью культурной политики в современной России может выступать сочетание положительных черт «советского периода» (ясность цели, последовательность в ее достижении, госбюджетное финансирование, просветительство, идеологическая обоснованность) и «постсоветского периода» (множественность и разносторонность проектов, частичное рыночное самообеспечение, самоорганизация совместной жизнедеятельности людей, либерализация культурной сферы).

В свете вышеизложенного весьма плодотворным в понимании культурной политики является коммуникативный подход, в основании которого лежит идея диалога культур. Согласно данному подходу, базовым условием успешной культурной политики является система договоренностей, достижение консенсуса между официальными, творческими, общественными субъектами относительно идеолого-концептуального и реализационного уровней этой политики. Коммуникативный подход особенно перспективен в обществах переходного периода.

Одним из институтов, в рамках деятельности которого возможна определенная процедура обсуждения актуальных тем современной культурной политики, является Совет по культуре и искусству при Президенте России. На его последнем заседании (26 сентября 2012 г.) прозвучали ключевые слова о необходимости использовать гуманитарный ресурс, присущий культуре (историко-культурные традиции, язык, художественное наследие), в контексте стратегического видения и планирования. В.В. Путин отметил, что в России «все еще сохраняется отраслевой подход к культуре», «при этом часто мы все забываем о том, что культура является неотъемлемой частью всех сторон нашей жизни и не может существовать сама по себе, в отрыве от людей. Человек формируется именно в культурной среде или бескультурной и от ее качества прямо зависит то, какими мы станем, какими вырастают наши дети, как выглядит коллективный портрет нашего общества» [8].

Наметившаяся смена парадигмы культурной политики России – понимание культуры не как досуга, а глубинного понятия, учитывающего общие аспекты созидания – обусловлена ориентацией на модернизацию и инновационный путь

развития, что предполагает наполнение процесса преобразования практиками, обеспечивающими согласованность вектора на инновационное общественное развитие с российской ментальностью и действительностью, другими словами, учитывающими цивилизационные ценностно-смысловые основания и уникальные преимущества страны.

Справедливым представляется мнение о том, что «функция государства по отношению к культуре заключается в том, чтобы моделировать и поддерживать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса общества, действуя при этом в рамках его социальных и синергетических законов» [9].

Изменение ритма истории приводит к тому, что успех целых народов и государств, также как и успех отдельных личностей зависит от глубины понимания своей эпохи и умения вписаться в нее. Согласно А.Маслоу, в современную эпоху «жизнь движется гораздо быстрее, чем когда-либо», наблюдается «громадное ускорение накопления фактов, знаний, методик, изобретений, достижений в технологии». Это, в свою очередь, «требует изменить наш подход к человеку, к его отношениям с миром. Грубо говоря, требуется иной тип человека, <...> мы нуждаемся в ином типе человека, способном жить в непрерывно изменяющемся мире». Действительно, на пороге XXI в. лидирующие позиции может занять лишь тот, кто может предложить инновационный вектор развития. Говоря словами А.Маслоу, «общество, которое сможет воспитать таких людей, выживет, а те общества, которые с этим не справятся, погибнут». Новые темпы перемен перенесли центр тяжести на человека, следовательно, повышаются требования к творческому потенциалу работников, способных на инновационную деятельность в своей области. Формирование нового поколения творчески продуктивных и креативных личностей попадает в определенную зависимость от культурной политики. Культура и искусство могут оказаться теми точками роста, вокруг которых начнется кристаллизация новых видов деятельности человека, новых возможностей и перспектив.

Литература

1. Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2005; Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России: дис ... д-ра культурологии. – М., 2002; Горлова И.И. Культурная политика в условиях переходного периода: дис ... док-ра филос. наук. – М., 1997; Дымникова А.И. Управление культурой в рыночной экономике. – СПб., 2000; Жидков В.С., Соколов

К.Б. Культурная политика России. – М., 2001; Культура и культурная политика в России / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М., 2000; Селезнева Е.Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. (теоретико-методологические проблемы). – М., 2003.

2. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели // Культура на границах: сб. ст. – М., 2004. – С. 12-32.

3. Ижикова Н.В. Теоретико-методологические основания современной культурной политики: дис ... д-ра филос. наук. – СПб., 2010. – С.3-4; Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: автореф ... д-ра полит. наук. – М., 2007. – С. 15-18.

4. Маршак Л.А. Культурная идентичность: поиски и пути решения проблемы // Власть. – 2012. – № 9. – С.

5. Кортунов С. Россия в тисках глобализации // Безопасность Евразии. – 2008. – №2. – С. 189-212.

6. Семенов В.Е. О методологических подходах к пониманию культурной политики в современной России // Российская социология: история и современные проблемы: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию заслуженного деятеля науки

России, академика РАН, почетного профессора СПбГУ А.О. Бороноева / под общ. ред. Н.Г. Скворцова, В.Д. Виноградова, Н.А. Головина. – СПб., 2007. – С. 302-304.

7. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: автореф ... д-ра полит. наук. – М., 2007. – С. 19.

8. РИА Новости. – 2012. – 25 сент.

9. Авдеев А.А. Государство и культура // Культура России: информ.-аналит. сб. 2010 год. – М., 2010. – С. 5.

Цыбиков Тимур Гомбожапович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, министр культуры Республики Бурятия, г. Улан-Удэ.

Tsybikov Timur Gombozhapovich, candidate of sociological science, associate professor, department of social and cultural action, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, the Minister of Culture of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude.

УДК 821.512.31

© Е.Е. Балданмаксарова

БУРЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Статья посвящена изучению литературного процесса на рубеже двух последних веков, его осмыслению в контексте культурного пространства Востока и Запада, что дает возможность выявить закономерности и тенденции в развитии современной бурятской литературы.

Ключевые слова: бурятская литература, культурный контекст, взаимодействие, диалог традиций Востока и Запада.

E.E. Baldanmaksarova

BURYAT LITERATURE AT THE TURN OF THE CENTURY IN THE CONTEXT OF CULTURAL SPACE OF THE EAST AND WEST

The article is devoted to the study of the literary process at the turn of the last two centuries, its reflection in the context of the cultural space of the East and West, which makes it possible to identify patterns and trends in modern Buryat literature.

Key words: Buryat literature, cultural context, interaction, dialogue traditions of East and West.

На рубеже XX – XXI вв. самоощущение бурятской литературы меняется, если не в корне, то довольно значительно. Это связано с таким взглядом на предмет творчества, который позволяет воспринимать национальную поэтическую традицию как самобытную часть общемонгольского и мирового культурного пространства. Восприимчивость бурятской литературы делает ее открытой влияниям других культур, которые на бурятской почве становятся национально-творческой силой.

Современная бурятская литература – это продукт сложного взаимодействия культурных традиций Востока и Запада, вобравшая художественные особенности индо-тибетского (буд-

дийского) и греко-славянского (христианского) духовных миров, относящихся к евразийской культуре. Что касается понятий «Восток» и «Запад», то они в нашем понимании все же условны. Если говорить о различиях, то они в соответствии с принципами дискретности и связи позволяют осознать специфику исторического формирования типов мышления: западного и восточного. Особенностью Бурятии является ее расположенность в культурном пространстве Центральной Азии, Китая и России. Для Бурят-Монголии (конец XIX – начало XX вв.) Западом была центральная Россия, принесящая идею дискретности мира, и ядро бурятской культуры в то время продолжало оставаться восточным. Те-